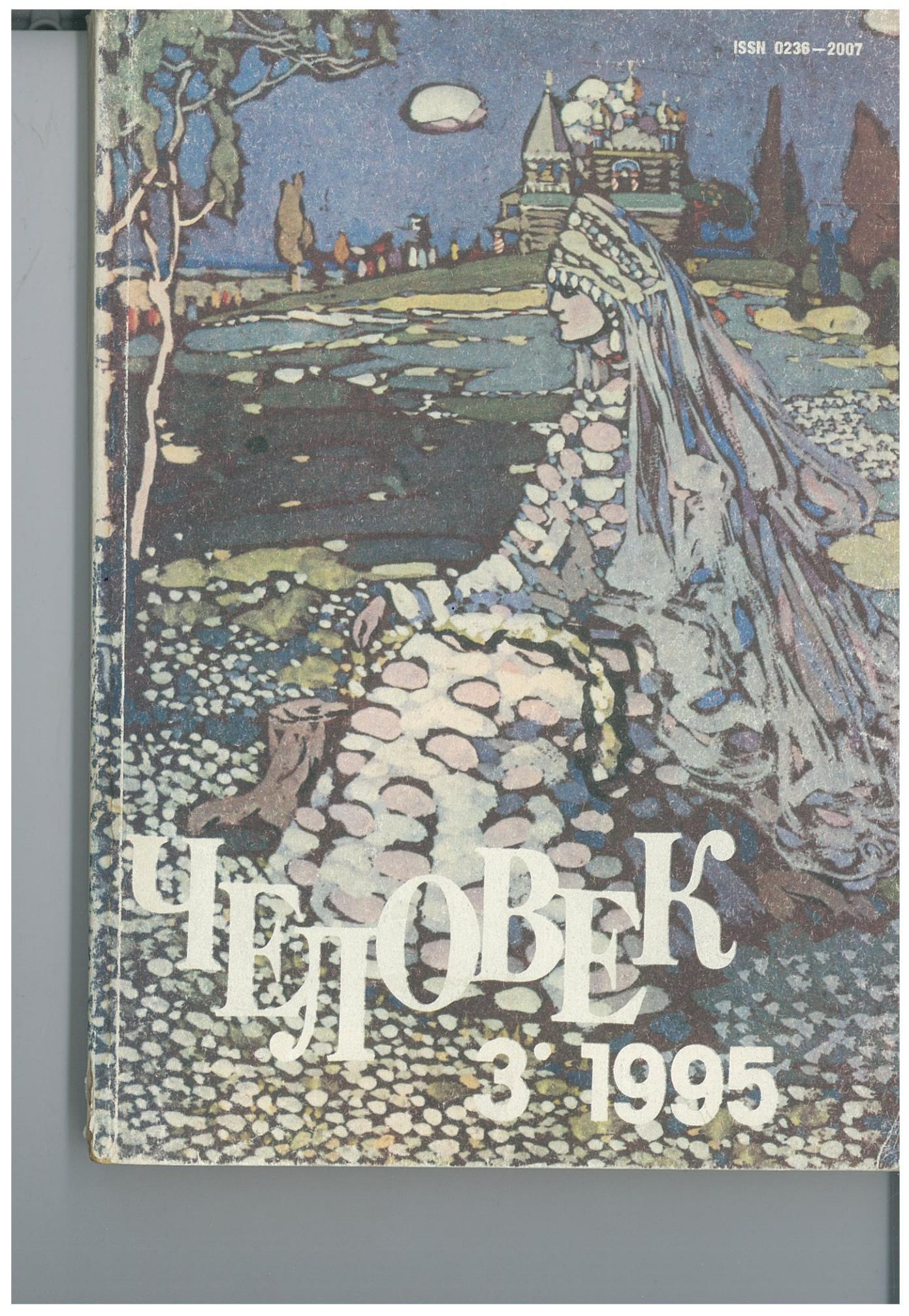

ISSN 0236-2007

ЧЕЛОВЕК
3·1995

ВСПОМИНАЯ ОБ
УШЕДШЕМ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОМ — ХИРУРГЕ И СВЯЩЕННИКЕ

И. А. Кассирский

К написанию этой небольшой книги я приступал неоднократно. Но всякий раз, увидев чистый лист бумаги и взяв в руки перо, начинал испытывать какое-то внутреннее сопротивление, а затем и глубокие сомнения... Я задавал себе вопрос: какие могут быть побудительные мотивы для написания книги о большом ученом, хирурге, вдруг ушедшем в религию и посвятившем весь строй своей жизни служению Богу и страданиям за веру.

Не скрою, в часы раздумий, когда я брал перо в руки, среди калейдоскопа многих интересных людей, с которыми приходилось сталкиваться на протяжении 60 лет сознательной жизни, передо мною вырастала могучая фигура человека с красивой окладистой бородой, величественной осанкой, человека значительного, сложного, необычного. Фигура эта, в которой угадывались достоинство и сложность трагической судьбы, буквально подавляла своей значительностью. И вместе с тем гармонировала со сложившейся в моей памяти духовной мощью ученого, его удивительной манерой тихо, спокойно говорить и которого слушали всегда с затаенным волнением — будь это просто собеседники или огромные аудитории студентов и врачей.

Но ведь (и в этом мое глубокое убеждение!) задача мемуарной литературы заключается не в том, чтобы поработить читателя занимательным чтением, — главное место в ней принадлежит не только биографии личности, но и «биографии» идей, раскрытию высоких нравственных идеалов людей, чей путь при всей своей неповторимости приобретает значение «учебника жизни».

Чему же могло бы научить, — задавал я себе вопрос, — описание жизни профессора-хирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (в миру) и архиепископа Луки Туркестанского, потом Красноярского, затем Тамбовского и Мичуринского и — в конце жизни — Симферопольского и Таврического? Чему?

При всей честности и искренности его убеждения, на котором развилась его религиозность, я при критическом анализе многограничной жизни этого человека долго не мог найти объяснение внутренней необходимости писать о нем. Я охотно рассказывал друзьям о своих встречах, беседах с ним до ухода его в религию и после хиротонии в высокий сан архиепископа, об интереснейших событиях его жизни, свидетелем и даже порою участником которых мне довелось быть. Многое из моих повествований производило на моих собеседников ошеломляющее впечатление, но... в течение многих лет я не мог понять и ощутить органическую необходимость писать о Валентине Феликсовиче.

В. Ф. Войно-Ясенецкий был свидетелем двух мировых войн. Если он не мог мысленным взором охватить глобальные масштабы прошедших перед ним событий, то он был живым свидетелем, он видел собственными

глазами страдания народных масс и огромной страны в годы первой и второй мировых войн, голод, угнетение. Он понимал, как страшен был на протяжении столетий путь народа, вынесшего тяжесть войн, голода, эпидемий. Ведь он всю свою сознательную жизнь провел в провинции — в небольших городах, селах России, в условиях сохранившего свой феодально-колониальный облик Туркестана; в Сибири, на Дальнем Востоке, куда он поехал добровольно хирургом, чтобы оказывать помощь раненым во время русско-японской войны. Как врач он столкнулся с вошедшими в летопись и в историческую литературу мрачными страницами, повествующими о тяготах народа, ужасающей детской смертности от дифтерии, кори, скарлатины. На «постоянной прописке» в Российской империи были паразитарные тифы и малярия, косившие целые губернии. Нередко по России прокатывались эпидемии чумы, холеры, оспы.

Формальные и примитивные методы управления здравоохранением медицинскими чиновниками, среди которых немало встречалось гоголевских и щедринских типов, — все это он видел и знал. Разумеется, были и прогрессивные земские врачи, к их числу принадлежал и сам Войно-Ясенецкий, девизом жизни которого были слова поэта:

Где тяжко дышится,
Где горе слышится,
Будь первым там...

«Не в нарядных каретах по мещанской улице, а на крестьянских клячах или много верст пешком лежал их путь по бездорожью и слякоти в деревнях Несытово, Неелово, Заплатово, Дырявина, Неурожайка тож», — писал старый земский врач А. В. Воротынцев. Конечно же, Войно-Ясенецкий как врач не стоял в стороне от всего, что его окружало, — был он человеком живого, гибкого ума и отзывчивого сердца.

Предлагаемые записи не претендуют на исчерпывающий анализ места и роли Войно-Ясенецкого в истории отечественной медицины; о роли его в религии автор мало что знает. Это не более, чем размышления об удивительной судьбе человека, в жизни которого отразились многие сложные события нашего времени.

Автор не случайно обратился к жанру воспоминаний. В отличие от монографического исследования, оперирующего логико-понятийными категориями, воспоминания воссоздают живое дыхание времени, колорит эпохи, сохраняют тепло человеческих рук. Автор не заблуждался по поводу трудностей и противоречивых проблем, с которыми придется ему столкнуться. Прав был Бальзак, когда сказал: вспомнить — значит еще раз пережить. Все близко знавшие В. Ф. Войно-Ясенецкого, каждый по-своему решал для себя загадку: как могло случиться, чтобы одна и та же рука водила пером при написании глубоких научных «Очерков гнойной хирургии» и религиозной книги «О духе, душе и теле». Сейчас, когда многие страсти тех бурных лет улеглись, автор счел возможным предпринять попытку сказать о том, что составляет величие жизни В. Ф. Войно-Ясенецкого — его деятельности ученого и врача. А это диктует необходимость вспомнить многие события жизни крупного хирурга, ибо, когда современники молчат, — рождаются легенды, в которых правда и неправда нередко соседствуют...

* * *

Жизнь В. Ф. Войно-Ясенецкого — это подлинная драма крупной личности. Деятельность его как врача и ученого принесла ему славу выдающегося ученого и блестящего хирурга. Вершинами его врачебной и научной деятельности явились редкое оперативное искусство и монографии «Очерки гнойной хирургии» и «Регионарная анестезия». От жизни архиепископа Луки остались... одиннадцать томов проповедей, о которых

И. Кассирский
Размышления о
В. Ф. Войно-
Ясенецком

◇◇◇◇◇

ВСПОМИНАЯ ОБ
УШЕДШЕМ

◇◇◇◇◇

Портрет
Архиепископа Луки
с дарственной
надписью
И. А. Кассирскому.

174

пусть судят специалисты. Сопоставление этих фактов — яркое свидетельство сложного и трудного пути ученого, в облике которого причудливо переплелись две ипостаси личности.

Где лежит ключ к пониманию его странной в нашей действительности судьбы? В чем причина его ухода в религию, в расцвете карьеры университетского профессора?

Мне представляется, что разгадка этой тайны лежит в истории его жизни, в «биографии» тех идей и раздумий, которые определили его своеобразие и необычность как человеческой личности. Если его биография отражает то, чем он был похож на многих, то история особенностей его личности позволяет понять то, в чем он неповторим. Как многие ученые, Войно-Ясенецкий едва ли отдавал себе отчет в том, что составляло «звездный час» его жизни, когда она достигла своего апогея. Ему, уже создавшему «Регионарную анестезию», «Очерки гнойной хирургии», все еще

ЧЕЛОВЕК 3/95

Многоуважаемому
профессору
И. А. Кассирскому
ко добрую памяти
Христианскому Церкви,
канд. Войно-Ясенецкий
5. IX 46.

казалось, что главное — впереди, в особенности после... прихода Луки, и его, конечно, не могла не терзать загадка, когда и с чего все началось. Но он был врачом. Ищущим, беспокойным, мыслящим.

В. Ф. Войно-Ясенецкий, будучи человеком не только душевным, но и «духовным», обычно не любил говорить об истоках своей религиозности. Он считал, что глубоко свое, интимное всегда целомудренно сдержанно и не нуждается в том, чтобы его видели все, — и прежде всего то, что внутри. Может быть, читатель, профессионально интересующийся медициной, прочтет этот очерк, с трудом освободится от сомнений: не лучше ли было опустить все, что в жизни ученого не имело отношения к медицине, хирургии? Не скрою, я думал об этом. Но, преодолев «миллион терзаний», я уступил внутреннему голосу сказать не только об общезвестных, бесспорных, но и о малоизвестных или совсем неизвестных противоречивых сторонах жизни ученого, в которой «лед и пламень», «вода и камень» причудливо переплелись. «Лишний грима и белил», такой портрет дает возможность увидеть живое лицо с морщинами, со следами тяжелых переживаний и раздумий.

Чему учит нелегкий жизненный путь известного хирурга? Что полез-

175

ЧЕЛОВЕК 3/95

И. Кассирский
Размышления о
В. Ф. Войно-
Ясенецком

ВСПОМИНАЯ ОБ УШЕДШЕМ

ного может извлечь для себя врач, особенно начинающий, в истории драматической судьбы человека, пытавшегося соединить «землю и небо» и до конца жизни не освободившегося от иллюзий? Это — не риторические вопросы. Они порождены размышлениями о времени, нравственной миссии врача, преемственности поколений.

Уроки жизненного пути В. Ф. Войно-Ясенецкого выходят далеко за пределы его личной судьбы, они приобрели общественное звучание. Это своеобразное проявление закономерности, когда жизнь и судьба крупного, неординарного человека выдвигает проблемы, представляющие не личный, а общий интерес.

Что же особенно примечательного в судьбе В. Ф. Войно-Ясенецкого? История его жизни еще раз показывает, насколько велика роль в мировоззрении ученого, в выработке научной методологии четких философских и естественнонаучных позиций, какова мера его ответственности перед наукой.

Ошибочно полагать, что Валентин Феликович был неискренен. Но можно быть искренним и в своих заблуждениях. Раздвоенность трагических героев Достоевского, например, была источником мучительного и мстительного наслаждения болью, потому что кроме боли ничего было им любить. Эти герои, которым претила мораль «господ», — живая история великой, но не удовлетворенной действительностью души, изжившей свои упования на светлые идеалы и надежды молодости, они живут по правилу: «не согрешишь — не пokaешься, не пokaешься — не спасешься».

Духовная драма В. Ф. Войно-Ясенецкого состоит в том, что он, приняв догматы религии и прежде всего постулат христианского вероучения, что человек рождается уже порочным и потому возмездие он получает в страданиях, — видит во всем этом торжество подлинной правды и путь к божественному бессмертию души. Но Войно-Ясенецкий, как врач, излагаая научные основы хирургии, не просто оспаривал, — отрицал... архиепископа Луку. В этом начало его раздвоенности.

Ведь Валентин Феликович отлично знал основы современной биологии, учение Дарвина; его не могло не терзать сознание того, что религиозная картина мира рухнула под воздействием открытий в естествознании. Это, во-первых, обоснование Коперником гелиоцентрического строения Вселенной, вследствие которого была полностью опровергнута концепция Библии о геоцентризме. (По остроумному замечанию А. Эйнштейна, учение Коперника, похоронив миф о божественном сотворении мира и установившее, что Земля есть лишь одна из малых планет, призывает людей быть скромными.) Во-вторых, это учение Дарвина, доказавшего несостоятельность мифотворчества Библии о сотворении растений, животных и человека-Адама из глины и Евы — из его ребра. Научная аргументация Дарвина о том, что одни виды постепенно в ходе эволюции и с помощью естественного отбора развиваются из других вследствие естественных причин, не требующих вмешательства демиурга, развенчали фантастичность религиозной идеи Вседержащего бога, управляющего мирозданием по его, божьему, воле. Повторяю, все это Войно-Ясенецкий знал, однако не допускал мысли об отказе от веры.

В. Ф. Войно-Ясенецкий, будучи человеком безусловно честным, не мог не понимать, что религиозное мировоззрение поддерживается при помощи постулатов, лишенных доказательств. Как ученый, он отлично знал, что наука противопоставила ветхозаветным и евангельским легендам о божественном происхождении мира идею всеобщей закономерности, господствующей в природе. Как человек, знакомый с историей развития философской мысли, он знал, что уже Кант в «Критике чистого разума» писал, что бессмертие души научными средствами недоказуемо, поэтому вера покоится не на том, что есть, а на том, что должно быть по мнению верующих.

Трудно представить себе ощущения, которые испытывает естествоиспытатель, совершающий обряд таинства причащения, верит в

чудо воскресения богочеловека, непорочно зачатого от святого духа. Как можно представить себе врача, повторяющего в молитвенном экстазе: «И сказал бог: да произведет Земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так» (Быт. I, 24).

Как образованный человек, он хорошо знал историю науки и о гонениях со стороны Церкви и церковников против просвещения и науки. В 1886 г. в России была запрещена книга И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», а в 1895 г. — книга Ч. Дарвина «Происхождение видов». В 1907 г. духовная цензура запретила книгу Л. Фейербаха «Мысли о смерти и бессмертии», в 1908 г. начала судебное преследование против книги Э. Геккеля «Мировые загадки». Даже книгопечатание было объявлено «дьявольским наваждением», а русского первопечатника И. Федорова объявили слугой дьявола. Я уже не говорю о том, что в 1901 г. святейший Синод отлучил от Церкви и предал анафеме Л. Н. Толстого. Наконец, как врач Войно-Ясенецкий не мог не видеть, как беспочвенны и лишены логики утверждения Нового завета о так называемых «чудесных исцелениях», которые апостолы будто осуществляли одним лишь прикосновением к больным. Нельзя также пройти мимо того, что, будучи человеком определенных нравственных принципов, он должен был испытывать душевные муки от бесконечных попыток модернизации религиозного мировоззрения, которые прежде рассматривались как кощунственные попытки «дьявола заключить союз с всеышшим», а теперь объявлялись «зовом небес», «новым символом веры». Для проницательного ума, каким бесспорно обладал выдающийся хирург, едва ли было тайной, что так называемая модернизация веры есть процесс глубоко симптоматичный и противоречивый.

Где коренится первопричина раздвоения его личности? Не остались ли нераскрытыми многие грани его научного таланта вследствие того, что годы апостольского служения унесли силы и жар его сердца? Ответить на эти вопросы не так просто. Однако одно следует сказать со всей определенностью: нельзя, как справедливо писал Гегель, доказывать истину при помощи анекдотов. В них нет неправды, но в то же время в них нет и всей правды. А всякая полуправда, добавим мы от себя, всегда — неправда. Видимо, только объективный и всесторонний анализ всей сложной совокупности фактов, причин, нюансов и событий его жизни, характера, воспитания, влияния среды, процессов формирования мировоззрения в сочетании с особенностями его психологического склада позволяют проникнуть в природу удивительно сложной и трудной судьбы ученого. Это важно подчеркнуть, так как отдельно взятый факт не может играть роль универсального ключа.

Характеризуя пути развития личности, ее роли и места в сфере общественной жизни, необходимо иметь в виду, что личность всегда есть особенное и, как таковое, выступает как единство общего и единичного. В этой связи подчеркнем, что наиболее существенные социальные свойства личности (более того, даже отдельные черты ее характера) определяются той социальной группой, к которой данная личность принадлежит.

* * *

В. Ф. Войно-Ясенецкий родился в ту сложную пору, которая в истории России известна как период безвременья. Об этих годах превосходно рассказал А. Блок в поэме «Возмездие»:

В годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла,
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.

В эти годы большую известность получил Вл. Соловьев; кстати ска-

И. Кассирский
Размышления о
В. Ф. Войно-
Ясенецком

ВСПОМИНАЯ ОБ УШЕДШЕМ

зать, сам по натуре являясь бескорыстным и честным, он видел смысл человеческого существования в утверждении религиозной идеи всеобщего спасения «в царстве божием на земле» и упования на потустороннюю силу, откровения свыше. Человек же раздвоен — он одновременно и ничтожество и божество, и именно он, по велению всевышнего, выступая в этой двойной роли, становится как бы стержнем подлинного оживления Всемирной. Главная цель жизни человека, по мнению Соловьева, состоит в стремлении стать богочеловеком, так как только при этом условии человек, якобы, полностью постигает смысл абсолютного добра.

Богословские сочинения Вл. Соловьева еще в юности оказали большое влияние на Войно-Ясенецкого. При этом, прослеживая путь хирурга и его противоречия, можно весьма четко разграничить два понятия: религию и богословие. Богословская апологетика есть «теория» религии, а так называемая «практика» религии есть та реальная форма, в которой богослужение и вера в бога конкретно проявляется.

С детских еще лет В. Ф. Войно-Ясенецкий приобщился к той особой атмосфере религиозного воспитания, которая объединяла семью и школу.

Среднее образование он получил в Кишиневской, а затем в Киевской гимназиях. Мне (как и всем лицам старшего поколения) хорошо известен верноподданнический и религиозный дух, царивший в тогдашних гимназиях. С первого класса — Закон божий, обязательное посещение гимназической церкви — в субботу вечером (весенняя), в воскресенье (обедня), во все престольные праздники, заучивание наизусть молитв, зубрежка катехизиса, чтение в классе перед началом занятий утренней молитвы.

Как рассказывал сам Валентин Феликович, он с детства читал много духовных книг, постоянно ходил по церквам и в Киево-Печерскую лавру, служил богослужения¹, делал много зарисовок богомольцев, за которые даже получил премию на одной из выставок. Будучи врачом, он продолжал чтение духовных книг. Весь церковный уклад, внешний церемониал и содержание церковных служб он изучал самоучкой. Вот почему, когда в Ташкенте в 1921 г. он принял сан священника, в 1923 г. постригся в монашество под именем Луки, получив вскоре хиротонию (рукоположение) во епископа Ташкентского и Туркестанского, — он был уже подготовленным священнослужителем, свободноправляющимся со всем сложным уставом богослужения.

Войно-Ясенецкий не принял Октябрьской революции. Однако против нее он не выступал ни на словах, ни в действиях, смирился с нею. Понять его было нелегко, — ведь его личности был присущ противоречивый дуализм всей духовной, мыслительной структуры. Наш анализ не дает ключей к полному раскрытию его тайны. Нужно еще раз подчеркнуть — необходим вдумчивый подход к личности профессора Войно-Ясенецкого — хирурга и верующего, служителя Церкви.

В этом убеждают меня и личные встречи с ним. Мы общались, откровенно беседовали, особенно в трудных, крутых для него и его семьи обстоятельствах. Я был свидетелем его замечательных выступлений на заседаниях научного общества, на показательном судебном процессе профессора П. П. Ситковского (о чем расскажем дальше), слушал его лекции, которые он читал (в рясе!) студентам; я видел его операции, в которых скальпель был удивительно послушен мастерству хирурга. И твердо могу сказать: жизнь его полна нераскрытых тайн.

Это был человек необычной судьбы, особенно в условиях советского строя. Не подлежит сомнению, что он был человеком чистой души и безукоризненной честности. Такая честность не только принципиальная (принципиальность может быть благоприобретенной, воспитанной семьей, средой), — она является органическим свойством всей его природы. Должно быть, подобная честность, чистота доверчивой его души могла быть причиной его религиозности; последнее вытекало из психо-физиологической структуры его личности. Он верил в религиозный гуманизм настолько, что был убежден, что именно этот гуманизм способен победить

¹ Так в тексте рукописи. Будучи (в то время) мирянином, В. Ф. не мог «служить» в церкви, но только — молитвенно участвовать в богослужении. — Ред.

tragические противоречия и социальные катаклизмы, свидетелем которых он был. Свою религиозную веру и вытекающий из нее гуманизм он пронес через всю жизнь, никогда не ревизовал свое мировоззрение, не утратил его после трудных испытаний. Его захлестывала какая-то внутренняя сила религиозного самоуглубления, вытекавшая из абсолютизации веры в человека, в духе учения Вл. Соловьева, исправление несовершенства которого², как слагаемого в обществе, могли и должны были привести — по его убеждению — к исправлению несовершенства и несправедливости в сумме, т. е. во всем человечестве.

Когда я видел его, говорил с ним, я думал: весь его внешний облик как бы неизменно подчеркивал спокойную уверенность, душевное равновесие и религиозный гуманизм Войно-Ясенецкого.

Это основное свойство натуры было так сильно в нем, что оно почти абсолютно ограждало его от реального ощущения окружающего мира и потому не звало к изучению наблюдавшихся узловых противоречий жизни общества, государства и трагедий людей с научных, исторических, социальных позиций... Короче говоря, он не имел социологического образования, да и не стремился социально мыслить. Как врач-ученый он был стихийным материалистом, но ему не было присуще научное материалистическое мировоззрение.

Как многие интеллигенты, жизнь которых, по определению Ромена Роллана, проходила «над схваткой», он, прошедший мимо качественно новых социальных проблем нашего времени, искал выход противоречий жизни общества в религиозном гуманизме.

В понимании его ухода в религию более всего надо опасаться упрощений, например, будто бы это было проявлением чуть ли не умопомешательства.

Разумеется, это совсем не так. В своем внешнем поведении, в работе на факультете, в клинической — хирургической деятельности Войно-Ясенецкий являл образец собранности, организованности, корректности, сознания долга, спокойно-разумного, делового и принципиального подхода к людям и фактам. Погружение в мир религии привело его к проповеди кротости и смирения, он и сам подобным образом поступал (правда, не всегда: бывал, например, строптив в своей иконоборческой деятельности³), думал о жалости, помочи к ближнему, лечении и спасении страждущих в телесных и душевных недугах, о сиротах и вдовах... Он, заблудившийся в субъективном, индивидуалистическом подходе к социальным явлениям, не выходивший за границы частных особенностей эгоцентрического мироощущения, своей замкнутой душевной «скорлупы», в которой аккумулировались его гуманные чувства, тянулся к людям, был преисполнен любви к ним, не мог примириться с их страданиями и шел только к добру, борясь со злом по избранному им «божьему пути»... Он рассматривал религию как единственное универсальное средство нравственного воспитания и перевоспитания людей и этим путем мыслил себе создание идеального общества, состоящего из хороших, богопокорных людей. Нравственно-эмоциональное начало в его понимании всей динамики совершенствования человечества, очевидно, являлось основой основ, а движущие социально-экономические силы развития общества игнорировались.

Темперамент, гуманизм звали его к подвижничеству, к помощи людям, однако хотел он это осуществлять только по собственному образцу, который считал проявлением мудрости. Не случайно при пострижении Войно-Ясенецкий выбрал имя мудрого святителя Луки⁴. Сочетание же в одном лице ортодоксального апостола веры, духовника с деятельностью врача он полагал «божьим делом». Целитель души и тела — что может быть выше этого! Перед ним всегда был образ святого Пантелеимона — врача и священнослужителя, врачевателя душ. На эту тему Валентин Феликович произносил проповеди, а в православных храмах в Лондоне, Париже и Нью-Йорке Войно-Ясенецкого в проповедях называли «святым Пантелеимоном нашего времени».

К испытаниям жизни «во Христе» он был психологически подготов-

И. Кассирский
Размышления о
В. Ф. Войно-
Ясенецком

² Человека. — Ред.

³ Так в тексте рукописи. Видимо, И. А. Кассирский имеет в виду «упрямство» В. Ф. в отстаивании им права иметь в операционной икону и молиться Богоматери перед началом операции. Термин «иконоборчество» имеет противоположный смысл и относится к средневековым спорам относительно почитания икон. — Ред.

⁴ Так в тексте. Здесь две неточности: во-первых, при хиротонии епископа (равно как и при пострижении монаха) имя не выбирается свободной волей постригаемого, но нарекается в итоге довольно сложной установкой процедуры; во-вторых, «святителя» Луки не было — В. Ф. был наречен во имя св. апостола Луки, который, по преданию, был искусным лекарем. — Ред.

◇◇◇◇◇

ВСПОМИНАЯ ОБ УШЕДШЕМ

◇◇◇◇◇

лен, вступил на этот путь в полной уверенности в том, что отдает себя служению той идее религиозного гуманизма, ради которой живет; ради которой жили и умирали подвижники веры.

Валентин Феликсович был человеком сильным, ореол славы и некоторой сенсационности увеличили его уверенность в своих силах. И все же время сохранило выдающиеся научные исследования ученого и популярность его как замечательного врача, его служение больному человеку; он вошел в историю медицины, ибо вписал в нее яркую страницу. Судьба Войно-Ясенецкого представляется поучительным напоминанием об ответственности ученого. Будущие поколения врачей, вспоминая Войно-Ясенецкого, жизнь которого отразила всю сложную и трагическую эпоху, на его примере отметят, как не прост, как болезненно труден путь искания истины. Они отметят, что его жизнь волнует, и несмотря на раздирающие противоречия, он оставался верен долгту врача.

Поэтому память о В. Ф. Войно-Ясенецком несет и всегда будет нести из прошлого огонь, а не пепел...

* * *

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился в семье фармацевта 27 апреля 1877 г. в Керчи. Отец его, владевший аптекой, смог дать своим детям хорошее образование. Валентин учился сначала в Кишиневской, затем в Киевской гимназии.

Он отличался ярким художественным талантом, прекрасно рисовал и одновременно с гимназией учился в Художественном училище. Он делал много портретных зарисовок, увлекаясь художественным воплощением лиц, характеров людей. Вот как об этом говорил сам Валентин Феликсович: «Я достиг тонкого умения рисовать, понял процесс художественного творчества, определялось уже и направление художественной деятельности».

В 1896 г. Войно-Ясенецкий окончил гимназию и Художественное училище. Ему исполнилось 19 лет, и нужно было выбирать дорогу жизни. Страстно желая посвятить себя искусству, тяготея вместе с тем к гуманитарным наукам, он поступил на юридический факультет, но, проучившись год, перешел на медицинский факультет Киевского университета Святого Владимира.

«Для того, чтобы поступить на медицинский факультет, — вспоминает Войно-Ясенецкий, — я должен был преодолеть яркий интерес к наукам гуманитарным, истории, философии и преодолеть большую нелюбовь к естественным наукам».

Оставил он и идею службы искусству. Медицина оказалась той областью, которая вполне соответствовала его жизненным устремлениям...

На первом курсе он увлекся анатомией, на четвертом и пятом — глазными болезнями. В 1903 г. Войно-Ясенецкий окончил университет с отличием.

По окончании университета верный своей духовной доминанте, он взбирается к вершинам жизненного идеала по трудным и крутым тропам. В соответствии с высокой одаренностью он мог бы претендовать на то, чтобы оставаться при университете, готовиться к научной карьере, но молодой врач выбирает иной вариант движения по дороге жизни. Он направляется с Киевским лазаретом Красного Креста на войну на Дальний Восток. Его назначают заведующим хирургическим отделением. Работает Войно-Ясенецкий самозабвенно, выполняет ежедневно самые разнообразные операции, и лишь поздней ночью удается для короткого сна заканчивать работу.

В Чите он познакомился с сестрой милосердия Анной Васильевной Ланской, работавшей с ним в одном госпитале. Она происходила из мещанской семьи, была девушкой красивой, с чистой душой и кротким характером. Раненые солдаты называли ее «святой сестричкой». Анна

И. Кассирский
Размышления о
В. Ф. Войно-
Ясенецком

Рисунок
В. Ф. Войно-Ясенец-
кого
из альбома
1895—1896 г.

Васильевна пришла по душе Валентину Феликсовичу, его настрою, духовному миру. Он женился на Ланской, и они прожили вместе 14 лет.

Возвратившись в Европейскую Россию, Войно-Ясенецкий решает ехать работать в земство. Как он объяснял домашним и друзьям, — желая быть врачом для народа. Он был принят на должность земского врача в Ардатовском уезде Саратовской губернии. В дальнейшем работал земским хирургом в Фатежском и Балашовском уездах⁵. В эти годы он увлекался толстовством, даже писал ему⁶ письма.

В 1910 г. Войно-Ясенецкий переехал в Переславль-Залесский, где за-

⁵ Курской губер-
ни.— Ред.

⁶ Толстому.— Ред.

ВСПОМИНАЮ УШЕДШЕМ

ведовал земской больницей. Деятельность его как земского врача была разносторонней и трудной: с утра до ночи амбулаторные больные, операции, книги, бесконечные выезды (слава его как врача росла, его вызывали даже в соседние уезды и губернии). С властями Войно-Ясенецкий вел себя независимо, — это было его характерной чертой, которая была ему присуща и после революции.

Земский период деятельности был весьма плодотворным. Сохранившиеся в виде аккуратно переплетенных папок его отчеты «О хирургической деятельности Романовской земской больницы» за 1909—1910 годы, «О деятельности Переславской земской больницы» за 1911—1914 годы показывают, как велик был размах его хирургической работы. Отсутствие специализации, запущенные болезни, стремление во что бы то ни стало помочь всем больным, — вот та атмосфера, в которой работал подлинно народный врач Войно-Ясенецкий.

В каждой больнице, за редким исключением, работал лишь один врач, круг его обязанностей был весьма обширным — хирургия, акушерство, педиатрия; вскрытие абсцессов, удаление инородных тел, прием родов, лечение зубов, детские инфекции и многое другое. Однако Войно-Ясенецкий этим не удовлетворился. Он был одним из зачинателей «большой» хирургии среди земских врачей. Он буквально осваивал почти нетронутую хирургическую «целину». Участок был большой, приходилось делать далекие выезды, за 30—50, а порою и за 100 верст. Как-то ему пришлось делать трахеотомию больному дифтерией в глухой деревне, однако трахеотомической трубки у него не оказалось. Валентин Феликович не растерялся, вскрыл трахею перочинным ножом и вставил в нее гусиное перо. Он оперировал на центральной и периферической нервной системе, желудке, кишечнике, желчном пузыре, суставах; производил весь комплекс гинекологических операций, глазных. Он всегда увлекался не особенно любимой хирургами гнойной хирургией, и в его классическом труде «Очерки гнойной хирургии» (удостоенной в 1944 году Сталинской премии I степени) немало описано историй болезней крестьян из сел Бобылевки, Дурникино, Инясово — больных многообразными гнойными хирургическими болезнями, получивших квалифицированную помощь в Романовке у земского провинциального хирурга Войно-Ясенецкого.

Занимаясь хирургией, Войно-Ясенецкий в Романовке начал разрабатывать новый метод обезболивания — регионарную местную анестезию, что послужило темой его докторской диссертации, защищенной в Московском университете.

Занимался Войно-Ясенецкий и бактериологией, и патологической анатомией, и гистологическими исследованиями, организовал соответствующую лабораторию, оборудовав ее микроскопом, микротомом и другими специальными инструментами, которые закупал на собственные деньги. Ибо не видно из отчетов земства, чтобы на это оборудование ассигновались средства. И в Романовской больнице, после отъезда Войно-Ясенецкого в Переславскую земскую больницу, лаборатории не стало, — он увез ее с собой, как свою собственность; хирургическая работа, столь блестящая проводимая в Романовской больнице, с его отъездом потеряла свой размах, хотя его преемники были и неплохими врачами — хирургия их не интересовала. Пожалуй, для Романовки, как и для других земств, не менее хирургов нужны были иные врачи, считавшие, в отличие от Войно-Ясенецкого, что земская медицина должна иметь не лечебное, а в основном санитарное направление. Оптимального сочетания — лечебного и санитарного направления добиться в земствах представляло немалые трудности по различным причинам.

Желание заняться научной работой привело Войно-Ясенецкого в Москву, в хирургическую клинику университета к профессору П. И. Дьяконову — известному хирургу, в прошлом также земскому врачу. Дьяконов с большим вниманием отнесся к своему коллеге и разрешил ему заняться разработкой регионарной анестезии.

И. Кассирский
Размышления о
В. Ф. Войно-
Ясенецком

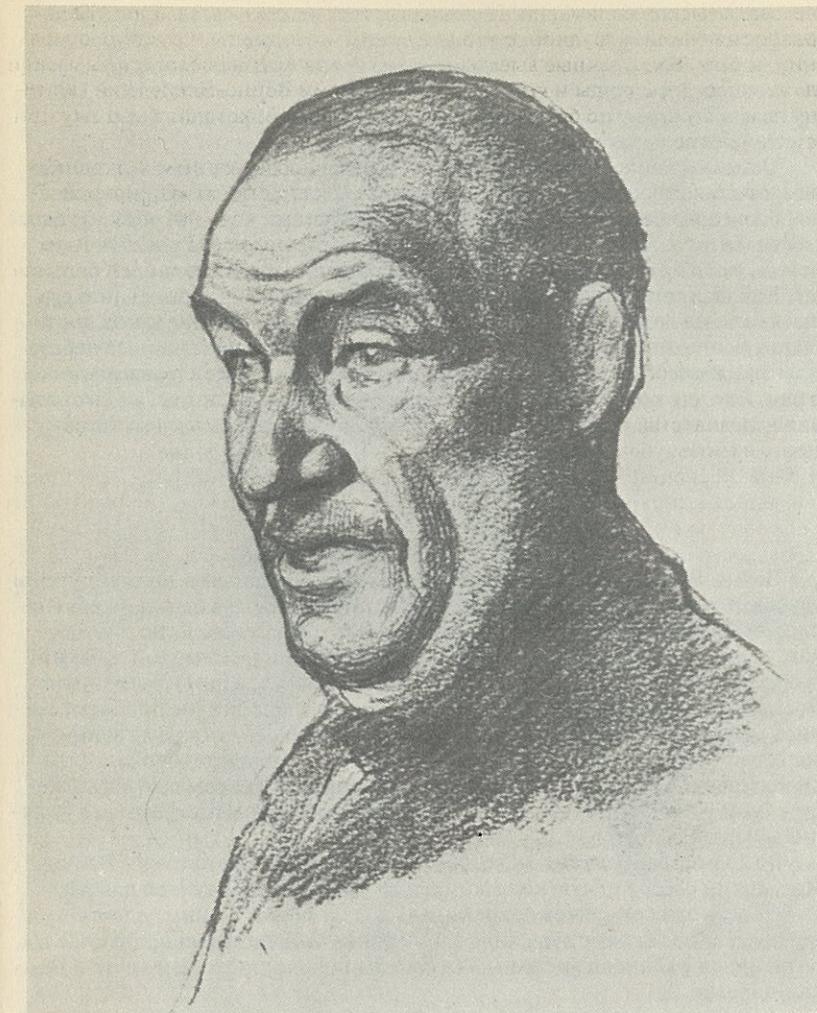

Рисунок
В. Ф. Войно-
Ясенецкого
из альбома 1895—
1896 г.

Войно-Ясенецкий с огромным энтузиазмом принялся за работу. Его трудолюбие не знало границ. Дневные часы отдавал больным, а по ночам работал в морге и в результате разработал оригинальный метод обезболивания с помощью введения в нервные стволы раствора обезболивающего вещества. Темпы его работы были так велики, что он закончил ее через восемь месяцев и сразу же уехал к себе домой (он тогда еще работал в Романовской больнице). Окончательно диссертация была оформлена в 1915 г., и после сдачи докторских экзаменов он защитил ее в 1916 году.

В семейной жизни, пока была жива жена, он был счастлив, у него родилось четверо детей. Добрая, заботливая мать — Анна Васильевна всю себя отдавала воспитанию детей и заботам о муже, но, к сожалению, еще в Переславле заболела туберкулезом, который приобрел прогрессирующую течение.

В 1916 г. семья Валентина Феликовича переехала на юг, в Ташкент, в надежде, что здешний климат будет благотворным для больной Анны Васильевны. В Ташкенте Войно-Ясенецкого пригласили на должность главного врача городской больницы.

В Ташкенте он весь ушел в работу — девизом его жизни было: всегда работать, работать безотказно. Дом и больница, больница и дом — вот ос-

◇◇◇◇◇

ВСПОМИНАЮ ОБ УШЕДШЕМ

◇◇◇◇◇

новные вехи его жизни; он не бывал в гостях, на концертах. Единственным исключением были церковные службы, которые он посещал, хотя еще не был священником⁷. Дом главного врача фасадом выходил на улицу, но другой стороной с отдельным входом — в больничный двор. Поэтому главному врачу и хирургу не требовалось много времени для того, чтобы быстро попасть в больницу.

Октябрьской революции Войно-Ясенецкий особо не заметил, однако послереволюционное время незаметным не было. В городе стало тревожно, были организованы круглосуточные дежурства, которые обязаны были нести жители. В 1917—1920 годах город не освещался, на улицах было темно, постоянно стреляли. Было много раненых, их привозили в больницу. Войно-Ясенецкий нередко оперировал всю ночь. Случалось, что его вызывали на дом к больному или в другую больницу на консультацию либо для неотложной операции. Он тотчас же отправлялся вочные небезопасные путешествия по городу. Так же безотказно он являлся в терапевтическое отделение для консультаций. Он никогда не выражал досады, не высказывал недовольства. Наоборот, у него всегда чувствовалась полная готовность помочь.

* * *

Войно-Ясенецкий приобрел прочную славу первоклассного хирурга и глубокого знатока топографической анатомии. Иногда я бывал на его операциях. Они являлись одновременно школой для врачей. Ясно помню, как, держа на пальцах пучок нервов из подмышечного сплетения, он называл один за другим нервы и сообщал, какие мышцы они иннервируют. Всегда оперировал вслух, фактически по ходу операций им прочитывались целые лекции по топографической анатомии. Блестящему знанию топографической анатомии, стереоскопичности его зрительной памяти способствовал присущий ему талант художника. Недаром еще в художественном училище ему настойчиво советовали избрать профессию художника-портретиста.

Во время заведывания кафедрой топографической анатомии Войно-Ясенецкий создал целую коллекцию анатомических рисунков для лекций. Часть этих рисунков сохранилась до сих пор, и по ним ведется преподавание. Талант художника Валентина Феликовича проявился и в религии: он расписал масляными красками иконостас в больничной церкви-часовне.

Уровень хирургической помощи до революции и в первые годы после нее в Туркестанском крае был очень низок, в областных центрах — Скобелеве (Фергане), Самарканде, Бухаре, Ашхабаде, Алма-Ате и других городах или совсем не было специалистов в области полостной хирургии, или они появлялись эпизодически, — главным образом, военные хирурги, работавшие при лазаретах. Вся «большая» хирургия концентрировалась в Ташкенте, где хирургическую школу возглавил Петр Фокич Боровский, тот самый, который, будучи ординатором Ташкентского военного госпиталя, прославил свое имя открытием возбудителя кожного лейшманиза.

С приездом Войно-Ясенецкого число первоклассных хирургов увеличилось вдвое.

Ташкентская больница напоминала Валентину Феликовичу земскую — та же бедность во всем: плохие железные кровати, переполненные больными палаты и коридоры. Но это не обескуражило главного врача; засучив рукава, он активно взялся за наведение должного для лечебного учреждения порядка.

Приехавшего главного врача и хирурга приняли приветливо. Первые же его операции привлекли всеобщее внимание. Сказалась земская «закваска»: Войно-Ясенецкий демонстрировал чудеса техники регионарной анестезии — попадал иглой шприца сразу в нужный нервный ствол; производил все операции на желудке (включая резекции), на кишечнике, главным образом неотложные; удалял селезенку, разработав оригиналь-

⁷ Так в тексте. Антитеза в данном случае неверна.— Ред.

И. Кассирский
Размышления о
В. Ф. Войно-
Ясенецком

Анна Васильевна
Ланская,
жена
В. Ф. Войно-
Ясенецкого.
Фото 1904 г.

ный способ перевязки сосудов этого органа; предложил методику удаления слезного мешка при лечении язв роговицы; широко оперировал на грудной клетке: удалял ребра при гнойных процессах; производил операции на головном мозге, пораженном эхинококком.

Новаторские идеи Войно-Ясенецкий применял при неотложных хирургических вмешательствах, в том числе при огнестрельных ранениях печени и других органов брюшной полости. Разумеется, большое внимание уделял гнойной хирургии; его помощников привлекали и восхищали огромный клинический опыт и творческий подход к лечению гнойных

**ВСПОМИНАЯ ОБ
УШЕДШЕМ**

процессов; его мастерство всегда опиралось на строгие клинико-анатомические данные.

Вся Средняя Азия заговорила о новом хирурге.

Трудился Войно-Ясенецкий без устали — днем и ночью. Как и в земстве, помимо практической работы он занимался научными исследованиями, им изучались, в частности, досконально все истории болезни по гнойной хирургии, ночами в морге дорабатывал он необходимые анатомические детали операций. Он всегда был чем-то занят, отдых заключался в перемене занятий. Поставив еще в земстве целью изучить французский язык, он, сидя рядом с кучером, — по дороге к больному, — заучивал французские слова и фразы, повторял их вслух; подобным образом изучил и английский язык (немецким владел хорошо). Периодически, как рассказывали мне его дети, когда он утомлялся настолько, что не мог даже писать и читать, — переключался на переплетное дело, которое освоил в совершенстве; книги своей библиотеки он переплел с большим вкусом и изяществом. Не быть ничем занятым он не мог.

Личная его жизнь протекала в семье; после смерти жены в 1919 г. он больше не женился.

Потеря любимого друга, матери своих детей стала для него невосполнимой, явилась огромной трагедией. Некоторые, знавшие Войно-Ясенецкого, даже считали, что это стало основной причиной его решения постричься⁸. Однако подобный подход упрощает дело — натура Войно-Ясенецкого сложнее, чем кажется на первый взгляд. В уходе (официально) в религию вскоре после смерти жены необходимо различать повод и причину. Причины подспудно зрели в нем на протяжение многих лет, они кроются в его религиозном мировоззрении, отношении к людям, революции, новой власти. «Жребий брошен», — мог он сказать, и он принял окончательное решение уйти в созданный им — собственный — внутренний мир, мир культа подвижничества и, если хотите, — великомуничества.

Войно-Ясенецкий любил своих детей, они это знали, однако были предоставлены самим себе, хотя, как мог, поддерживал их материально. Главное, внушал он им, — быть честными, остальное приложится; что касается честности, его пример должен быть для них самой лучшей воспитательной школой. И дети, из которых старшие были похожи на отца (крупные, рослые, скучные на слова и жесты, сосредоточенные) окончили вузы, стали тоже медиками, профессорами.

(Окончание следует)

⁸ Принять монашеский постриг.— Ред.

ЗЕМСТВО: ежеквартальный гуманитарный журнал.

Пенза, 1994. № 1—4

**ЖУРНАЛ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ**

Сегодня уже факт, что большинство столичных журналов «со стажем» к началу 90-х как-то вдруг само-исчерились, а среди их юных — московских же — собратьев удачи, в общем, редки, поэтому рождение любого нового, да еще «не в столицах» (то бишь в провинции) журнала сопровождается явным скепсисом.

Но, как известно, именно глубинка искони была у нас щедра на таланты и в эпоху всяческого безвременя медленно, но верно выводила страну из исторических тупиков. Уже и сейчас с трудом, но пытается, преодолевая бюрократические препоны, безденежье и все остальное, всем известное. И не потому только, что она — «глубинка», и столичным заинтересованным, далеким от жизни спорам противопоставляет подлинное («глубинное») знание жизни. Ясно, что скрупульность и ущербности — «провинциальности» — хватает и здесь и там. Существует — в конкретном действии, продуманном, точном, созидающем. Примеров на самом деле ничтожно мало. А на родной журнальной ниве и того меньше.

Так вот, новому пензенскому журналу «Земство» я, действительно, обрадовалась и с удовольствием представляю его читателю. Это ежеквартальный гуманитарный журнал, в подзаголовок которого вынесено — «Архив провинциальной жизни России». Понятие «гуманитарный» все-таки сужим. Издание задумано прежде всего как общественно-политическое, краеведческое, ориентированное на проблематику российской провинции, преимущественно Пензенской области и прилежащих к ней регионов.

По замыслу создателя издания (учредителя и главного редактора) канд. филос. н. В. И. Мануйлова журнал должен выражать и формировать мироощущение самоопределяющегося российского провинциального общества. И при этом не только представлять интересы и умонастроения российской провинции и всех составляющих ее социальных групп, но и, опираясь на исторический, и в том числе реформаторский, опыт,

наиболее плодотворные теоретические разработки прошлого и настоящего, «готовить кадры» — новое поколение ученых-гуманитариев, новые политические элиты, новых граждан новой России.

Однако программные цели, даже самые замечательные, — только программные цели, глобальные и недостижимые. А что же конкретно удалось?

Прежде всего, несколько интересных материалов в рубриках «Проект» и «Концепция», в основе которых яркие нестандартные решения насущных социально-политических проблем (Ю. Б. Эхин. Жилищная проблема в крупных и средних городах России: путь решения — № 1; В. И. Мануйлов. Проект Статуса Губернии — Автономного Сообщества — № 1; О. О. Сенатова, А. Г. Касимов, В. Я. Гельман, С. И. Рыженков. Субъекты и факторы политики в Поволжье — № 4; А. К. Магомедов. Политический ритуал и мифы региональных элит — № 3).

Часто предлагаемые решения достаточно спорны. Но альтернативы им редакция, к сожалению, не предлагает. Пока сделана лишь одна попытка прокомментировать спорную точку зрения — в умном и тонком послесловии В. И. Мирошниченко к статье Д. Дж. Рэли «Вдали от Москвы и Санкт-Петербурга: размышления об августовской революции, провинциальной России и „новостройке“».

Одна из главных удач журнала (и это подтверждено читательскими отзывами) — публикация мемуаров земляков — не великих, прославивших Пензу (Саратов, Кострому...) на всю Россию, а тех самых «маленьких людей», «рядовых граждан», пытавшихся и кровью которых создается любой исторический массив, и уж тем более такой сложный, как наш. Двадцать лет назад запретный тогда в России А. И. Солженицын начал одно потрясающее по силе и размаху дело (в его условиях почти невозможное) — создание Всероссийской мемуарной библиотеки. Руководимый им Русский общественный фонд одной из своих целей ставил «собирание вся-